

Идентификация «воображаемых сообществ» в период «поздней современности»: актуальный тренд

© Н.Г. Багдасарьян, Л.И. Седова

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Глобальные экономические, политические, социальные и культурные трансформации, провоцирующие кризисные явления обществ «поздней современности», вновь актуализируют вопрос об идентичности. Обращение к этой теме выявляет комплекс разнонаправленных процессов, на фоне которых происходит перекомпоновка и формирование новых сообществ. В качестве основы социально-философского анализа проблемы предложена концепция «воображаемых сообществ», позволяющая раскрыть природу интеграции социальных объединений и поиска самостождественности. В ракурсе заявленной концепции показана амбивалентность идентификации, обозначены механизмы самоопределения в условиях подвижной, изменяющейся современности.

Ключевые слова: «поздняя современность», идентичность, идентификация, «воображаемые сообщества», дилеммы идентификации, механизмы идентификации, коллективная память

Актуальность исследования. В ряду кризисных явлений «поздней современности» (Э. Гидденс) проблема идентичности в различных ее аспектах занимает отнюдь не последнее место. Более того, масштабные социально- и военно-политические, экономические и культурные процессы, провоцирующие турбулентность практически во всех регионах планеты, выдвигают идентичность в ряд ключевых понятий, имеющих системный характер. Системность обусловлена связанностью разнообразных процессов. В частности, отделением и формированием новых национальных государств, соседствующих с непрекращающимися конфликтами на национальной почве в рамках «больших» обществ, эмансипацией различного рода меньшинств (этнических, сексуальных и пр.) и их борьбой за самоопределение и отстаивание своих прав, рождением новых и институционализацией уже существовавших ранее политических и общественных движений как в государственных границах, так и на международном уровне. Приобретающие перманентный характер миграционные процессы, втягивающие в себя весь пласт материальных, демографических, экономических и иных сдвигов, также затрагивают социокультурную и духовную сферы, трансформируя идейный и образный строй, ментальность, представления о «своих» и «чужих».

При обращении к проблеме кризиса идентичности выявляется комплекс факторов, связанных с амбивалентными потоками общемировых

преобразований XX в.: глобализация, как сегодня уже стало очевидным, повлекла за собой обратную тенденцию к локализации, культурной обособленности, объединению на национальной или этнической почве. Стал востребованным введенный Робертом Робертсоном термин «глокализация», обозначивший дуализм социальной жизни [1]. Такой дуализм носит волнообразный и неравномерный характер: в одни периоды усиливаются процессы фрагментации социокультурной жизни, дробления традиционных форм идентичности, возрастания культурных различий. В другие периоды выходят на поверхность культурные универсалии и культурные стандарты, которых придерживаются люди разных этнических, профессиональных и иных социальных групп и даже разных государств. Устойчивую основу этого процесса составляет технологический базис современного мира, его взаимозависимость и связанность, возможность легкого преодоления территориальных границ, универсализация и открытость образовательных систем, рост числа локаций транснациональных корпораций. Следует отметить, что период затяжной коронавирусной пандемии 2020–2021 гг., затронувшей все страны мира, ограничения в свободе перемещения людей, вызвавшие массовые депрессивные состояния, лишь еще ярче проявили эту тенденцию.

Столь сложные, разнонаправленные, противоречивые социокультурные процессы порождают перекомпоновку и возникновение новых форм разнообразных сообществ. Вероятно, именно по этой причине проблематика идентичности — подвижной, текучей, изменяющейся вместе с изменчивым миром — не потеряет актуальности еще долгие десятилетия.

Методология исследования. В качестве ключевого было определено понятие «воображаемые сообщества», заимствованное у Бенедикта Андерсона. Термин «воображаемые сообщества», по мнению авторов статьи, весьма удачно раскрывает природу любых социальных объединений. Речь здесь идет не об иллюзорности или абсолютной субъективности сообществ (существовании только в рамках сознания их членов), а о механизмах идентификации, делающих принципиально возможной интеграцию людей в общества. Все еще новое и непривычное для российского научного дискурса понятие отвечает тем тенденциям, которые обозначил Андерсон 40 лет назад, но вместе с тем оно обладает потенциалом для отражения специфики современных преобразований, позволяя расставить необходимые для рассматриваемой идеи акценты. В нем сочетаются «макро» и «микро», он отсылает одновременно и к дюркгеймовской реальности *suī generis*, и к интеракционистским представлениям о социальных взаимодействиях, и к методологии конструктивизма.

Универсальность и многозначность понятия «воображаемые сообщества», что зачастую считается слабой стороной категориального

аппарата или некоторой незрелостью научного дискурса, представляют в данном случае как раз особую ценность. Апелляция в процессе исследования к примерам разного рода социальных групп, общностей, категорий, социальных организаций, движений, государств требовала бы (при подвижности терминологических границ и новизне процессов) приписывания посредством использования устоявшихся концептов этим не вполне еще определившимся формированиям, заданных свойств. Общеупотребимое понятие «сообщества» также не отражает специфики нашего дискурса. Но дополнив понятие «сообщества» понятием «воображаемое», получаем универсальную, весьма надежную методологически философскую категорию.

Поясним это. Андерсон определяет термин «воображенное» на примере нации: «Члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [2]. В такой трактовке любое сообщество воображаемо. Исключение составляют малые социальные группы, небольшие организации, малонаселенные деревни или села, в которых каждый знает друг друга, знает о его принадлежности к тому же самому кругу людей, может буквально увидеть его границы. Однако даже контакт лицом к лицу не означает, что для формирования сообщества не следует прибегать к некоторому усилию, называемому воображением. Эти сообщества не только воображенные, но и воображаемые, поскольку работа по конструированию смыслов, опосредующих коллективные связи, осуществляется постоянно.

В терминологии социального конструктивизма процесс воображения можно представить в виде единства экстернализации, объективации и интернализации [3], где первая составляющая — проявление акторов во внешней деятельности, вторая — формирование надындивидуальных структур, воспринимаемых в качестве внешних, третья — переход объективного внешнего социального мира в субъективный внутренний мир. Вместе с тем «воображаемые сообщества» Андерсона перекликаются с «моральными сообществами» Дюркгейма, скрепленными коллективными верованиями и практиками. Важно отметить, что «воображаемое сообщество» в представлении индивидов мыслится как ограниченное, обособленное от «других». Здесь мы подходим к вопросу об идентичности.

Воображение само по себе предполагает формирование самосознания сообщества. Если для малых социальных групп принадлежность самоочевидна, то для более масштабных сообществ она становится проблемой. В тех обществах, где функционирует устоявшаяся система норм и ценностей, социализация индивида, его социальная интеграция, а также идентификация — рутинный процесс, регулиру-

емый традициями. В быстро меняющихся системах идентификация многовариантна, нелинейна как для отдельного индивида, так и для социальных объединений. З. Бауман проводит границу между сообществами «жизни и судьбы» и сообществами, объединенными на основе идей и принципов. Для первых идентичность — это данная самоидентичность. Вопрос о ней возникает тогда, когда индивидов связывают различные системы идей, в контексте которых идентичность может пониматься по-разному. В сообществах второго типа идентичность — всегда нечто «изобретаемое, а не открываемое»; «то, что нужно построить с нуля или выбрать из альтернативных предложений, и затем бороться за нее...» [4]. Такая идентичность носит условный, подвижный характер, она конструируется.

Дилеммы общества поздней современности. Согласно Э. Гидденсу, жизнь в обществах поздней современности создает постоянное напряжение на уровне самоопределения, которое выражается в четырех дилеммах [5]. Первая — «унификация или фрагментация» — заложена в самой природе современности, которая одновременно и объединяет, и разъединяет. На различных уровнях социальной системы — от индивида до глобального сообщества — процессы интеграции соперничают с дезинтеграцией. Что касается самости, то полюс унификации связан с сохранением и реконструкцией идентичности в условиях постоянных изменений. Фрагментации способствует диверсификация контекстов взаимодействия, в каждом из которых от индивида требуется определенный тип поведения.

Вторая дилемма — «отсутствие возможностей (бессилие) или многообразие возможностей (присвоение)» — описывает проблему утраты контроля и чувства автономии в обществах поздней современности, с одной стороны, и появление широкого круга новых возможностей — с другой.

«Власть или неопределенность» («устойчивые авторитеты или самоопределение в условиях их отсутствия»), третья дилемма самоопределения, указывает на роль авторитетов в идентификации. Если в досовременных культурах традиция сама по себе была главным источником власти, то в системах высокой современности во многих сферах общественной жизни нет определяющих авторитетов, существует много претендентов на власть.

Четвертая и последняя дилемма — «персонализированный или стандартизированный опыт» («индивидуальный опыт или стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение») — заключается в том влиянии, которое оказывает капитализм и товарный рынок на процесс самоопределения. Проект самости в поздней современности подвержен стандартизирующему воздействию, коммодификация охватывает рабочую силу, труд, способы потребления и

модели поведения. Идентификация в современном обществе — это не только и не столько выбор среди готового набора идентичностей, сколько создание «образа себя», требующего решения ряда дилемм.

Особенно остро вопрос об идентичности встает в свете глокализации. Одна из сторон этого процесса — глобализация как новый мегатренд [6] — усиливает взаимодействие между культурами, «выравнивая мир», делая его «плоским», требует толерантности и понимания «другого». В окружении множества «чужих» культур идентичность ставится под сомнение, в некоторых случаях уступает глобальной или космополитической идентичности. Сложность ориентации среди многообразия культур соседствует с поиском себя в целом спектре социальных групп и категорий, различающихся по уровню образования, профессии, гендерным, расовым и другим признакам. Появляется гибридная идентичность. Параллельно развитие новых коммуникационных технологий приводит к сжатию пространства и времени, превращение мира в «глобальную деревню» (М. Маклюэн) [7] расширяет круг «обобщенных» и «значимых других» в поиске самости. Границы между «своими», «другими» и «чужими» пересматриваются, центральную роль в построении глобального порядка среди всех форм деятельности играет воображение [8]. Глобализация не приводит к снятию различий, а, напротив, усиливает фрагментацию и плюрализацию идентичности.

Обратная сторона преобразований — реакция на глобализацию, тенденция к замкнутости локальных миров, обращение к традиционному, сакральному, поиск оснований идентичности в рамках своей культуры. Н.Н. Федотова отмечает: «В условиях глобализации выросло значение примордиальных солидарностей, включающих в себя солидарность на основе локальной культуры, а также на основе религии...» [9]. В свою очередь, на национальном уровне движение по пути модернизации, реализуемое в виде различных моделей, требует решения задачи о соотношении традиционного и современного пластов идентичности.

В то время как система суверенных национальных государств подразумевала самоотождествление в рамках государственных границ и образование собственной идентичности, современный мир ставит перед индивидом и сообществами проблему выбора. Международные и транснациональные организации перехватили статус нации в вопросе самоопределения, сделав категорию суверенности относительной. По мнению И.В. Малыгиной, «следствием отмеченной тенденции становится видимое снижение значимости национальных оснований в структуре социальной идентичности индивида» [10]. Вместе с тем нация, понимаемая как воображаемое сообщество, также вынуждена искать опору для поддержания внутренней самоотжде-

ственности, сохранения и передачи «смысла себя». Все это выливается в кризис национальной и других традиционных форм коллективной и индивидуальной идентичности.

Деструктивные последствия кризиса коллективной идентичности проявляются на системном уровне — на уровне общества в целом, препятствуя нормальному функционированию подсистем. Так, согласно В.Г. Федотовой, анархическое состояние социума, характеризующееся разрушением социальных институтов, утратой общепринятых норм и ценностей, доходящей до аномии и сопровождающейся кризисом идентичности, сводит все формы общественной жизни к выживанию, адаптации [11]. Если обратиться к четырехфункциональной схеме Т. Парсонса (AGIL), уровень адаптации — это только одно из последствий деятельности подсистем [12]. В этом состоянии невозможно говорить о воспроизводстве образца, целедостижении и интеграции. Сообщество, не имеющее собственной идентичности, не может очертить свои границы, отделить «Мы» от «Они», обосновать и сохранить свою целостность. В нормальном, гармоничном состоянии в системе протекают процессы интеграции и дифференциации, последняя необходима для усложнения и развития. Однако перевес в сторону разделения, фрагментация после определенной «точки невозврата» ведет к дезинтеграции или «расколу», если следовать в терминологии А.С. Ахиезера [13]. Аналогично в большом обществе неизбежно сосуществуют несколько идентичностей, различные социальные слои и группы предлагают свои системы значений, свой способ конструирования реальности. Подлинный кризис идентичности наступает тогда, когда между множеством вариантов определения самотождественности не находится точек соприкосновения. Отсутствие согласия в отношении коллективной идентичности, сложность поиска «смысла себя» на различных уровнях социальной системы создают угрозу ее дезинтеграции.

По выражению С. Хантингтона, идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. И далее, перефразируя Б. Андерсона, идентичности — «воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся» [14]. Несмотря на конструктивистскую природу, идентичность формируется по большей части посредством воображения. Нельзя отрицать наличие объективной основы — биологических признаков человека (раса, пол, возраст), а также унаследованных свойств (национальность), которые накладывают ограничения на свободу самоопределения. Кроме того, согласно Хантингтону, необходимо избегать полной субъективизации: самость имеет социальную природу, она должна быть признана «обобщенными» и «значимыми» другими. Такая трактовка природы идентичности с неизбежностью ставит вопрос о способах и механизмах ее

конструирования, об особенностях процессов самоопределения сообществ, формирования их представлений о самих себе.

Механизмы конструирования воображаемых сообществ.

С целью определения основных механизмов идентификации обратимся вновь к работе Андерсона, показывающего на примере нации способы воображения коллективной идентичности. Первый по значимости среди них — это язык. «Посредством этого языка, с которым знакомишься младенцем на руках у матери, а расстаешься только в могиле, воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее» [2]. Язык — это основной инструмент воображения, опосредующий поддержание коллективной идентичности, а следовательно, и интеграцию сообщества, причем не только в синхроническом, но и в диахроническом измерении. Он делает возможным возвращать и заново переживать (в определенном смысловом контексте) прошлое в настоящем, поддерживать непрерывность времени и чувства «мы».

Роль языка в конструировании социальной реальности подчеркивали П. Бергер и Т. Лукман: «Язык может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям» [3]. Речь идет о языке в широком смысле, как знаковой системе. Тем не менее для национальной идентичности особую роль играет именно государственный или национальный язык, который «официально» отделяет данное сообщество от других. Тот факт, что совокупность людей использует одну и ту же систему знаков, одинаково ее интерпретирует, соотносит со смыслами, значимыми и разделяемыми в той или иной мере большинством, а также передает с ее помощью информацию и знания, говорит о конституирующей функции языка в отношении коллективной идентичности.

Второй механизм, с помощью которого воображаемые сообщества создают и воссоздают свои идентичность, — пространство. Сюда относится обозначение и отстаивание границ, причем как территориальных (например, государственных или союза государств), так и социокультурных. Говоря о социокультурных границах, мы подразумеваем формулировку критериев, позволяющих более или менее точно отделить «своих» от «чужих». Пространственные инструменты конструирования самости включают также различного рода перемещения, паломничества, благодаря которым путешественники получают представление о территориальной протяженности и качественных свойствах сообщества. Это справедливо в большей степени для обществ отдельных государств или межгосударственных образований. Однако культурное представление о пространстве, придание ему символического значения и зонирование имеют смысл не только в отношении национальной общности.

Один из важнейших механизмов конструирования коллективной идентичности — время. На этом моменте стоит остановиться подробнее в силу его сложности, а также все возрастающего влияния на самоопределение сообществ. Рассмотрим несколько вариантов использования времени в качестве инструмента идентификации. Согласно Андерсону, ключевую роль в построении национального государства и нации играет создание собственной истории. Последняя формирует и поддерживает идею социетального организма, движущегося как монолитное сообщество сквозь гомогенное, пустое время. История как нарратив, рассказ о героях, победах, о пути и судьбе нации, включающая в себя и мифологические представления, и научные факты, сначала в кругу профессионалов, а затем и в массовом масштабе была призвана объединить, вызвать чувство причастности к событиям и их последствиям. Пример обретения национальной идентичности хорошо иллюстрирует значимость истории для воображаемого сообщества. По аналогии подобные «истории» передаются в устной или письменной форме и в других социальных образованиях.

Фиксация времени, представление о движении во временном континууме и появление благодаря этому понятий последовательности и одновременности — еще один способ конструирования коллективной идентичности. Унификация календарей, назначение памятных дат, праздников и расписаний не только упорядочивают жизнь членов сообщества, но и делают возможными одновременные массовые церемонии, которые можно сопоставить по функциям с коллективными практиками и культурами в религиозных объединениях. Андерсон приводит следующий пример, в котором показана работа механизмов времени и языка: «Устаревание газеты на следующий же день после выпуска... создает... одну из ряда вон выходящую массовую церемонию: почти идеально одновременное потребление (“воображение”) газеты-как-беллетристики. Эта массовая церемония... имеет парадоксальную значимость... каждый, кто к ней причастен, прекрасно знает, что церемония, которую он выполняет, дублируется одновременно тысячами (или миллионами) других людей, в чьем существовании он уверен, хотя не имеет ни малейшего представления об их идентичности. Кроме того, эта церемония непрерывно повторяется с интервалом в день или полдня в потоке календарного времени. Можно ли представить себе более живой образ секулярного, исторически отмеряемого часами воображаемого сообщества» [2]. Так, последовательность дает ощущение преемственности, а одновременность — причастности, все вместе служит отождествлению с сообществом.

Пожалуй, наиболее актуален в связи с проблемой времени для сообществ вопрос памяти. Прежде всего памяти коллективной. Он

приходит на смену проблеме написания «официальной» истории, поскольку первая дискредитирована. История переписывается, она находится в руках профессионалов, подвержена влиянию политических сил — таковы основные аргументы, нивелирующие роль истории, когда речь заходит о прошлом некоторой совокупности людей. На место истории сегодня приходит память. М. Хальбвакс, еще в 1920-х гг. заговоривший о памяти, писал: «Она (коллективная память — *примеч. авт.*) представляет группе ее собственный образ, который, конечно, развертывается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах» [15]. Память, в отличие от истории, субъективна, опосредована опытом, ценностями и интересами группы. История — это универсальный, общий для всех, объективный набор фактов. Памятью, в отличие от истории, может обладать любое сообщество. В ней заложены колоссальные возможности, которые могут быть использованы по-разному. Французский историк П. Нора отметил, что сообщества, не имеющие официальной истории в силу своей немногочисленности, непризнанности или новизны, борются за право самоопределения на основе собственной памяти, реально существующей или искусственно созданной [16]. Коллективная память конструируется, но в одном случае с опорой на факты, свидетельства, воспоминания, в другом — создается из ничего. Воображение может быть направлено на формирование представлений об общих границах прошлого, значимых периодах и личностях, поиск того, что объединило бы разрозненные воспоминания предшествующих поколений, в то же время память может становиться объектом спекуляции и манипулирования.

В реальности все указанные механизмы коллективной идентификации — язык, пространство, время и память — действуют совместно, проявляясь один через другой. Так, документальная составляющая культурного наследия, закодированная в естественном языке, служит основой этнической идентичности. Наименования географических точек в границах государства могут быть наделены особой значимостью с позиции формирования идентичности нации. Взаимодействуя, эти механизмы создают конкретные инструменты конструирования самосознания различных сообществ. Применение данных инструментов не всегда означает осуществление воли отдельных акторов, будь то политические или профессиональные группы. В них проявляется действие объективированных структур, существующих в определенной независимости от социальных субъектов. В то же время язык, пространство, время и память нередко становятся механизмами манипуляции. Обращение к ним связано в первую очередь с культурной природой всех четырех явлений. Даже пространство и время выступают здесь как социальное, культурное, а значит, сим-

волическое пространство и время. Будучи понятыми таким образом, они предстают в качестве сконструированных, а точнее, постоянно конструируемых структур.

Заключение. Противоречивые социокультурные трансформации обществ «поздней современности», проявляющиеся в волнообразной, циклической смене интеграционных и дезинтеграционных тенденций, находят отражение в структурах идентичности. Сложность и подвижность социального мира заключаются в чередовании периодов фрагментации пространства культурных смыслов и поиска основ объединения, универсалий и стандартов, общих для нескольких профессиональных, этнических, национальных групп, а порой и целых государств. На уровне самоопределения социальных образований разнонаправленные трансформации порождают дилеммы идентификации.

Группы и сообщества современности осуществляют поиск самоидентичности между полюсами унификации и фрагментации, в условиях все возрастающих возможностей, с одной стороны, и утраты контроля над внутренними и внешними изменениями — с другой. Коллективная и социальная идентичность складываются под влиянием множества авторитетов, ни один из которых не воспринимается в качестве абсолютного. Повсеместная стандартизация соседствует с поиском индивидуальности, создавая очередную дилемму самоопределения. Формирующуюся в итоге идентичность можно назвать плюралистичной, или гибридной. Сложность и неуправляемость процессов, протекающих в поле идентификации, актуализирует вопрос о механизмах конструирования самости.

Использование концепта «воображаемых сообществ» в русле конструктивистской методологии позволяет раскрыть особенности действия механизмов идентификации, среди которых ключевую роль играют язык, пространство и время. Язык создает символическую основу взаимодействия, конструируя социальную реальность в синхроническом и диахроническом измерениях. Обращение к пространству как инструменту воображения дает возможность сообществам создавать единое представление о территориальных и социокультурных границах, протяженности и символическом значении локаций. И, наконец, время в конструировании идентичности предстает в двух ипостасях: истории и памяти. История представляет собой совокупность фактов, рассказ о прошлом, призванный объединить, вызвать чувство причастности к событиям и их последствиям. Память субъективна, опосредована опытом, ценностями и интересами группы.

Именно в категории памяти, прежде всего памяти коллективной, проявляется основной принцип «воображения» при идентификации сообществ. Память становится полем борьбы за самоопределение в настоящем на основе реально существовавшего или конструируемого

прошлого. Очерчивание границ, отделение «мы» от «они» происходит на основе одинаково понимаемых, семиотизируемых и совместно переживаемых воспоминаний. Память в жизни «воображаемых сообществ» играет роль того авторитета, тех возможностей и источника контроля, фундамента индивидуальности, который позволяет решить «дилеммы самоопределения» в турбулентной социокультурной среде.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Robertson R. Glocalization: Time Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: *Global Modernities*. London, New Delhi, 1995, pp. 25–44.
- [2] Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва, Кучково поле, 2016, 416 с.
- [3] Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. Москва, Московский философский фонд, 1995, 322 с.
- [4] Bauman Z. *Identity: Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge, Malden, Polity Press, 2004, 104 p.
- [5] Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991, 256 p.
- [6] Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности. *Знание. Понимание. Умение*, 2011, № 1, с. 72–80.
- [7] Маклюэн М. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Москва, Кучково поле, 2014, 462 с.
- [8] Федотова Н.Н. *Изучение идентичности и контексты ее формирования*. Москва, Культурная революция, 2012, 200 с.
- [9] Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2006, том IX, № 3, с. 75–92.
- [10] Малыгина И.В. Мировые тенденции и российская специфика динамики этнокультурной идентичности. *Вестник МГУКИ*, 2016, № 5, с. 42–53.
- [11] Федотова В.Г. *Хорошее общество*. Москва, Прогресс-Традиция, 2005, 544 с.
- [12] Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса. *Вестник РУДН, Сер. Социология*, 2003, № 4–5, с. 6–34.
- [13] Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики. *Мир России*, 1995, № 1, с. 3–57.
- [14] Хантингтон С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва, АСТ, 2018, 534 с.
- [15] Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 25.11.2020).
- [16] Нора П. Расстройство исторической идентичности. *Мир истории*, 2001, № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения 25.11.2020).

Статья поступила в редакцию 30.11.2020

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Багдасарьян Н.Г., Седова Л.И. Идентификация «воображаемых сообществ» в период «поздней современности»: актуальный тренд. *Гуманитарный вестник*, 2020, вып. 5. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-5-682>

Багдасарьян Надежда Гегамовна — д-р филос. наук, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: философия и социология образования, глобальных процессов, техники и инженерной деятельности, культурология как научная и учебная дисциплина: определение предметного поля, структуры и логики, политический дискурс, языки межкультурной коммуникации.
e-mail: bagdasaryan@bmstu.ru

Седова Любовь Игоревна — старший преподаватель МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: социальная философия, социология, культурология, социология культуры, историческая и региональная социология, прикладная социология, методология социологических исследований.
e-mail: lyubov_m@bmstu.ru

Identification of “imaginary communities” in the period of “late modernity”: Current trend

© N.G. Bagdasaryan, L.I. Sedova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

Global economic, political, social and cultural transformations causing the crisis phenomena of the societies of “late modernity” again bring the problem of identity up to date. Turning to this topic reveals a complex of multidirectional processes, which provide the backdrop to the formation and rearrangement of new communities. As the basis for the socio-philosophical analysis of the problem, the concept of “imaginary communities” is proposed; this makes it possible to reveal the nature of the integration of social associations and the search for self-identity. In terms of the concept introduced, the ambivalence of identification is shown; the mechanisms of self-determination in the conditions of a mobile, changing modernity are indicated.

Keywords: “late modernity”, identity, identification, “imaginary communities”, identification dilemmas, identification mechanisms, collective memory

REFERENCES

- [1] Robertson R. *Glocalization: Time Space and Homogeneity-Heterogeneity*. In: *Global Modernities*. London, New Delhi, 1995, pp. 25–44.
- [2] Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso; rev. ed., 2016, 256 p. [In Russ.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 416 p.].
- [3] Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Anchor, 1967, 219 p. [In Russ.: Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, Moskovskiy filosofskiy fond, 1995, 322 p.].
- [4] Bauman Z. *Identity: Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge, Malden, Polity Press, 2004, 104 p.
- [5] Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991, 256 p.
- [6] Fedotova N.N. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 1, pp. 72–80.
- [7] McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. The MIT Press; Reprint ed., 1994, 389 p. [In Russ.: McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014, 462 p.].
- [8] Fedotova N.N. *Izuchenie identichnosti i konteksty ee formirovaniya* [The study of identity and the contexts of its formation]. Moscow, Kulturnaya Revolyutsiya Publ., 2012, 200 p.
- [9] Fedotova N.N. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii — The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2006, vol. IX, no. 3, pp. 75–92.
- [10] Malygina I.V. *Vestnik MGUKI — Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2016, no. 5, pp. 42–53.
- [11] Fedotova V.G. *Khoroshee obschestvo* [Good society]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005, 544 p.
- [12] Batygin G.S. *Vestnik RUDN, Seriya: Sociologiya — RUDN Journal of Sociology*, 2003, no. 4–5, pp. 6–34.

- [13] Akhiezer A.S. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya — Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1995, no. 1, pp. 3–57.
- [14] Huntington S. *Who are we: The Challenges to America's National Identity*. Simon & Schuster, 2005, 448 p. [In Russ.: Huntington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti. Moscow, AST Publ., 2018, 534 p.].
- [15] Halbwachs M. *Neprikosnovenny Zapas (The reserve stock)*, 2005, no. 2–3. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (accessed November 25, 2020).
- [16] Nora P. *Mir istorii (The world of history)*, 2001, no. 1. Available at: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (accessed November 25, 2020).

Bagdasaryan N.G., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Bauman Moscow State Technical University. Research interests: philosophy and sociology of education, global processes, technology and engineering; cultural studies as a scientific and academic discipline: the definition of the subject field, structure and logic, political discourse, languages of inter-cultural communication. e-mail: bagdasaryan@bmstu.ru

Sedova L.I., Assist. Professor, Bauman Moscow State Technical University. Research interests: social philosophy, sociology, cultural studies, sociology of culture, historical and regional sociology, applied sociology, methodology of sociological research. e-mail: lyubov_m@bmstu.ru